

DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057

**«ДЕТСТВА БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО»: ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (1941–1944 гг.)***

Красноженова Елена Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
E-mail: eleena@inbox.ru

Актуальность исследования проблем детской оккупационной повседневности обусловлена жёсткой репрессивной политикой геноцида в отношении них на территории Северо-Запада, где оккупация продолжалась с 1941 по 1944 г. Геноцид детей и подростков представлял собой заранее разработанную политику, направленную на дальнейшее истребление мирного населения. Целью статьи явился анализ немецко-фашистской оккупационной политики в отношении детства, а также исследование особенностей повседневной жизни детей и подростков в условиях оккупации. Работа основана на многочисленных архивных документах, в первую очередь, актах районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, докладах, информационных записках, партизанских сводках, воспоминаниях и свидетельствах очевидцев. Привлекают внимание и немецкие документы, в первую очередь, приказы оккупационной администрации, находящиеся в архивах областей Северо-Запада России. При анализе исторических публикаций и архивных материалов в исследовании использованы историко-генетический метод, методы системно-функционального анализа и реконструкции. Нацистская политика геноцида детей и подростков была направлена на тотальное истребление мирного населения Северо-Запада России. Дети использовались на принудительных работах, вместе с родителями отправлялись в лагеря на территории региона и за его пределами, угонялись в Германию, являлись донорами крови для немецких солдат, уничтожались в ходе карательных операций немецко-фашистских захватчиков. Голод, отсутствие медицинской помощи и элементарных условий существования также способствовали росту детской заболеваемости и смертности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, оккупация, детская повседневность, голод, геноцид, преступления, карательные акции, принудительные работы, угон в Германию.

Цитирование. Красноженова, Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4 (69). – С. 51–57. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**"GONE CHILDHOOD": CHILDREN'S EVERYDAY LIFE DURING THE OCCUPATION
OF NORTH-WEST RUSSIA (1941–1944)***

Elena E. Krasnozhenova, Doctor of Historical Sciences, Professor
29 Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: eleena@inbox.ru

The relevance of studying children's everyday life during the occupation is attributed to severe repressive genocidal policies towards them in North-West Russia that was occupied from 1941 to 1944. Genocide of children and teens had been pre-planned and was a part of a broader policies aimed at a further extermination of the civilian population. This article analyzes the German-fascist occupation policy on childhood, and also the study of the peculiarities of the daily life of children and teens under occupation. This research is based on numerous archival documents, mostly acts of sub-district and territorial jurisdictions created to investigate crimes committed by the Nazi occupants, reports, memorandums, partisans bulletins, memoirs and eyewitness testimonies. This article also reviews Nazi archival documents such as orders of the occupation administration that can be found in the archives of the northwestern Russia. While analyzing historical documents and archival materials, the author used a historical-genetic method, as well as systematic and functional analysis and reconstruction of the events. The Nazi policy on children and teens aimed to exterminate all the civilian population in the North-West part Russia. Children were forced to participate in unpaid labour to

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

*The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00004 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944».

gether with their parents and were sent to concentration camps located in the region and outside, they were deported to Germany. They were forced to donate blood to Nazi soldiers and were killed during punitive operations. Famine and absence of any medical support led to the increased morbidity and death among children and teens.

Keywords: The Great Patriotic War, the North-West, occupation, children's everyday life, famine, genocide, crimes, punitive actions, forced labor, deportation to Germany.

Citation. Krasnozhenova, E. E. "Gone childhood": children's everyday life during the occupation of North-West Russia (1941–1944). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 4 (69), pp. 51–57. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В годы Великой Отечественной войны значительная территория Советского Союза оказалась оккупированной немецко-фашистскими войсками. Этим обусловлен значительный интерес исследователей к вопросам оккупации. В исторических публикациях нашли отражение проблемы регионов, оккупированных нацистами, сущность оккупационной политики, проблемы партизанского движения, особенности оккупационной повседневности, положение отдельных категорий населения. Так, в работах В. Л. Пянкевича [22], М. В. Ходякова [4], Е. Е. Красноженовой [12], С. В. Кулика [15], С. В. Виноградова [3] рассмотрены отдельные стороны оккупационной политики нацистских захватчиков и проанализирована роль государства в борьбе с нацизмом. В исторических трудах поднимаются и проблемы военной повседневности и снабжения населения [13; 2]. Большое значение в исследовании Великой Отечественной войны занимает проблема коллаборационизма, представленная в работах Б. Н. Ковалева [11]. Необходимо отметить и публикации историографического характера, посвящённые исследованию периода Великой Отечественной войны [14].

Особенно тяжело переживали оккупацию дети. Актуальность исследования проблем детской оккупационной повседневности обусловлена жёсткой репрессивной политикой геноцида в отношении них на территории Северо-Запада, региона, где оккупация продолжалась с 1941 по 1944 г., позволив захватчикам создать разветвлённый аппарат управления и карательные структуры. Целью статьи явился анализ немецко-фашистской оккупационной политики в отношении детства, а также исследование особенностей повседневной жизни детей и подростков в условиях оккупации. Научная новизна исследования состоит в анализе стратегий выживания детского населения в условиях нацистской оккупации Северо-Запада России в 1941–1944 гг., которые определяли особенности организации повседневной жизни детей и подростков в чрезвычайных военных условиях.

Основная часть

22 июня 1941 г. Германия начала войну с СССР. Цели военной кампании на Востоке были заранее разработаны нацистами. Они носили очерченный характер политики геноцида. 30 марта 1941 г. на заседании высшего командного состава вермахта А. Гитлер декларировал, что в войне против Советского Союза борьба будет вестись «на уничтожение» и что это будет «истребительная война в полном смысле этого слова». Общую стратегию поведения немецких войск подтвердил А. Розенберг за несколько дней до нападения, заявив, что одной из главных целей вторжения является захват путём грабежа средств производства и сырья, необходимых для немецкой военной машины, независимо от ужасных последствий, к которым такой грабёж должен был привести. Выполнение этих планов должно будет иметь своим результатом голодную смерть миллионов из-за отсутствия пищи [20, с. 557]. Основой для проведения такой политики стала разработанная А. Гитлером теория необходимого жизненного пространства для немецкого народа, предусматривавшая расширение географических границ Германии за счёт восточных территорий Чехии, Польши и СССР, теория о «расовом превосходстве» немецкой нации над другими народами, в перечень которых входили и восточные славяне.

Планы по отношению к захваченным территориям нацистское руководство начало разрабатывать с 1940 г. Теория «жизненного пространства», расовая теория заложили фундамент для обоснования планов уничтожения и онемечивания захваченных народов [23, с. 503–505]. Кроме запланированного террора, нацистские документы содержали программу поэтапной эксплуатации, колонизации и германизации территории СССР. Предусматривалось, что население будет подвергнуто отбору: выберут наиболее пригодных в расовых отношениях, которых затем ассимилируют переселенные из Германии этнические немцы. Остальных ждала смерть или превращение в послушных рабов.

К концу 1941 г. во всех регионах Северо-Запада России, занятых немецко-фашистскими войсками, была введена карточная система распределения продуктов, хотя реальную картину продовольственного обеспечения населения в годы оккупации полностью восстановить сложно. Дети попадали в категорию иждивенцев, а те из них, кто учился, в категорию безработных. В обоих случаях их предполагалось обеспечивать в зависимости от имеющихся запасов продовольствия. Ситуацию можно реконструировать на примере отдельных городов. Так, в Слуцком районе Ленинградской области иждивенцам полагалось лишь 150 г хлеба. Необходимо отметить, что карточки получали лишь дети работающих граждан или состоящих на учёте на бирже труда.

Дети-сироты, беспризорные оставались за пределами системы продовольственного снабжения и были вынуждены были попрошайничать, грабить и т. д. «Особенно плохи дети: бледные, худые, шейка как ниточки» [24, л. 42]. Население питалось мхом, рябиной, подбирало у немецких кухонь отбросы. Жительнице

пос. Стрельна Ленинградской области В. Н. Анемподистойой в 1941 г. исполнилось десять лет. Но оккупационные голодные будни надолго оставили след в её памяти: «к декабрю никаких продуктов у нас не осталось. В углу дома была крысиная нора. Однажды нам повезло – нашли в ней несколько картошек. Съели их вместе с кожурой. Ходили (часто под обстрелом) в Марьино, на бывшие колхозные поля, где под полуметровым слоем снега иногда находили капустные кочерыжки. Охотились за убитыми лошадьми. Ели олифу, столярный клей, ремни, прошлогодние листья» [10]. Сбор объедков преследовался, а за копку овощей на огородах нацисты арестовывали, били плетями и даже вешали. Среди повешенных были не только взрослые, но и дети. Так, очевидец Курновский видел двух мальчиков 10–12 лет, повешенных на Гатчинском рынке. Г. Новиков свидетельствовал о том, как немец застрелил мальчика лет десяти, подошедшего к окну попросить милостыню [9, л. 5]. Мирные граждане, в том числе и дети, уничтожались «за желание уехать в Ленинград», «за попытку перейти линию фронта», «за связь с партизанами» [9, л. 3–4]. Недостаточные нормы продовольствия вынуждали жильцов искать нелегальные пути заработка. Взрослые, а часто и дети, торговали на чёрном рынке одеждой, другими вещами.

На территории оккупированных районов процветал грабёж местного населения. Ф. А. Лунев, житель села Лезье Мгинского района Ленинградской области, вспоминал, что «мама выменяла мне у немца сапоги за обручальное кольцо. Носил я их недолго, по пути с работы разул другой немец. Зимой нельзя было появиться в валенках, тоже отнимали» [10].

Деятельность немецких войск и приказы руководства были направлены на массовое уничтожение гражданского населения, подавление сопротивления, полное подчинение захваченных земель. Об этом свидетельствуют и размышления А. Гитлера насчёт партизанской борьбы, которая давала возможность уничтожать всех, кто оказывает сопротивление. О карательной политике нацистов, направленной на централизованное уничтожение мирного населения, свидетельствуют документы о положении в оккупированных районах Северо-Запада России. Жертвами карательных операций оккупантов становились дети. В феврале 1944 г. каратели выловили в лесах скрывающихся жителей деревень Пустошка, Жбаны, Кругли и других и учинили массовый расстрел. Ф. П. Кукленко, которому удалось сбежать из-под расстрела, сообщал, что 26 февраля 1944 г. жители деревень Нового сельсовета были обнаружены в лесах немецкими карателями. Около 75 человек было выведено на поляну для расстрела. «Я бежал из-под расстрела в лес, а мою жену, Кукленко Ульяну, 32 лет, сыновей Василия, 13 лет, Николая, 11 лет, Егора, 8 лет и Сергея, 1 года, расстреляли со всеми гражданами» [8, л. 1–22].

Жестокость оккупационной политики ощутили на себе и еврейские дети. Вместе со взрослыми они направлялись для постоянного проживания на территорию гетто, где отсутствовали элементарные условия существования. Свои действия оккупанты мотивировали необходимостью защитить население от «еврейской опасности». Акции переселения сопровождались массовыми убийствами, которые совершали германские солдаты. На территории Псковского округа Ленинградской области на «Голубой даче» в Невеле в 1941 г. фашисты устроили гетто, куда в течение месяца сгоняли из города и района всех выявленных евреев. Всего там оказалось более 800 человек, в основном женщин, детей и стариков [19, с. 56, 66]. В июле 1942 г. партизанская газета «Порховская правда» писала: «Теперь в Порхове евреев не стало, ни взрослых, ни малолетних: все они расстреляны в лесу близ совхоза «Полоное». Грудных детей палачи одной рукой держали над головой, а другой в упор расстреливали из пистолета...» [11, с. 250].

Известными местами массовых казней гражданского населения на территории Северо-Запада стали деревни Жестяная Горка Батецкого района, Бычково и Починок Белебелковского района Новгородского округа Ленинградской области, Красуха Порховского района Псковского округа, Большое Заречье Волосовского района и многие другие населённые пункты, уничтоженные немецко-фашистскими оккупантами вместе с их жителями.

В тяжёлом положении оказались воспитанники детских учреждений. Детские дома систематически проверялись немцами на наличие еврейских детей и инвалидов. В деревне Торковичи Оредежского района в феврале 1944 г. перед отступлением немцы подожгли помещение детского дома с находившимися в нём воспитанниками. Было сожжено 20 малолетних детей, 10 человек детей замерзло на улице. Подростков старших возрастов гитлеровцы угнали в Германию [16, л. 81].

Воспитанники Лужского детского дома были угнаны на работы в Эстонию. В. В. Лебедева, работавшая в нём воспитателем, отмечала: «Немецкие изверги угнали в декабре 1943 г. детей и подростков из детского приюта, где я работала. Дети были вшивые, грязные, полуголые, в летней одежде, всего 36 человек» [17, л. 64 об.].

Значительное число детей погибло ещё в начале войны в процессе эвакуации из Ленинграда. Эвакуация детей затруднялась частыми налётами немецко-фашистской авиации на железнодорожные станции. На станции Лычково в момент посадки детей в эшелон одиночный немецкий бомбардировщик сбросил до 25 бомб, в результате чего был убит 41 чел., в том числе 28 детей, ранено 29 чел., в том числе 21 ребенок. Гибель детей на станции Лычково в настоящее время справедливо оценивается как акт геноцида. На станции Пола был обстрелян эшелон детей Дзержинского района [27, л. 168].

Отдельные постановления нацистского руководства регулировали сферу деторождения и охраны детства. Основные их положения вытекали из принципа о неполноценности славянских народов СССР. В документе «Замечания и предложения Восточного министерства» по Генеральному плану «Ост» говорилось, что одним из путей подрыва биологической мощи народа является доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. Для достижения этого предлагалось «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против

детских болезней. ...Не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям» [21, с. 132]. На протяжении всего периода оккупации перечисленные положения активно реализовывались на практике.

Уже в начале 1942 г. началась кампания по вывозу рабочей силы в рейх, сначала добровольная, а потом принудительная. В 1942 г. вербовка в рейх затронула преимущественно детей старшего школьного возраста. В апреле 1942 г. вышел приказ Заукеля о мобилизации гражданских квалифицированных работников и работниц в возрасте от 15 лет для использования их на работе в Германии, в сентябре 1942 г. проводилась акция по вербовке «восточных работниц», девушек и женщин от 15 лет. Когда в конце 1942 г. стало понятно, что все акции по добровольному набору рабочей силы в Германию провалились, немецкие власти сделали ставку на принудительную мобилизацию подростков и молодёжи. Давалось разрешение на применение всех возможных средств, включая «специальные» мероприятия. Под последними понимали использование принудительных депортаций, проведение облав и зачисток населённых пунктов, жители которых подозревались в связях с партизанами. Таким образом, начиная с весны 1943 г., проводился принудительный вывоз детей старшего школьного возраста на принудительные работы в Германию наряду с взрослым населением.

Население угонялось в Германию и целыми семьями. «Ваша семья в составе: жена Иванова Екатерина Ивановна, дочь Галина и сын Валерий – в период оккупации района вывезена в немецкое рабство», – такой ответ получил военный служащий Н. И. Иванов на запрос о судьбе его родных, проживавших в деревне Папоротно Полистовского сельсовета Белебёлковского района Ленинградской области [5, л. 11]. Подобный ответ получил и военный служащий М. М. Макаров: «Залучский РК ВКП(б) Новгородской области сообщает Вам на Ваш запрос от 13/Х–[19]44 года, что Ваша семья, т. е. жена Макарова Татьяна Михайловна, и двое детей, во время оккупации района в 1942 г. эвакуирована немцами в немецкий тыл, судьба их неизвестна» [6, л. 6]. Только в первых двух эшелонах со Старой Руссы было отправлено на принудительные работы в Германию свыше 2 тысяч чел. молодёжи [7, л. 38]. Сопrotивляясь принудительной отправке в Германию, многие оказывались большими, подделывали паспорта, вписывали в них несуществующих детей, скрывались у родственников, уходили в леса.

Необходимое количество подростков и молодёжи оккупанты набирали при проведении карательных экспедиций против партизан. Уже с осени 1942 г. нацистским солдатам и офицерам было приказано больше не расстреливать население, «самое важное теперь – набор рабочих» [23, с. 382]. Задача захвата трудоспособных, включая детей, заключалась не только в том, чтобы использовать их на предприятиях Германии, но и чтобы путём первичной селекции отобрать наиболее пригодных для ассимиляции. Для этого создавались пересыльные или сборные лагеря, из которых отсортированное население отправляли в Германию.

С крахом операции «Барбаросса» оккупированные территории СССР превратились в один из важных источников для обеспечения военной экономики рейха и германской армии. Подрастающее поколение стало представлять собой значительную по численности группу, потенциал которой можно было использовать на работах, а при нужной идеологической обработке найти среди них активных сторонников «нового порядка». Тем более это было необходимо, поскольку нередко партизанам и подпольщикам помогали дети, участвовавшие в разведке, сборе оружия. В ряде отчётов немецких спецслужб отмечалось удобство момента для идеологического воздействия: у молодого поколения, воспитанного в большевистском духе, образовался определённый идеологический вакуум, который необходимо немедленно заполнить, чтобы молодёжи не было времени и желания включиться в борьбу против немцев.

Идеологическая обработка подрастающего поколения осуществлялась в образовательных учреждениях оккупированных районов. В оккупированных районах Ленинградской области немецко-фашистские захватчики разграбили 215 школ [16, л. 79]. Так, до оккупации Порховского района Ленинградской области в нём насчитывалось свыше 100 школ. В начале 1941–1942 учебного года захватчики открыли в районе 20 начальных и 1 среднюю школу [26, л. 90 об.].

В оставшихся школах преподавались математика, русский и немецкий языки, закон Божий. Из-за нерегулярной работы школ, значительная часть детей оставалась неохваченной школьным обучением. Большое число детей школьного возраста из-за отсутствия одежды, дальности расстояния и истощения школы не посещало. [26, л. 28 об.]. Идеологическая обработка подрастающего поколения происходила и через печать. В период оккупации в газетах и журналах имелись рубрики, адресованные подросткам и молодёжи. В периодической печати проводилась мысль о необходимости скорейшего спасения детей, испорченных большевиками и их системой воспитания, начиная с ясельного возраста.

Свои интересы к детям были и у нацистских разведслужб. Из числа захваченных во время карательных экспедиций, детдомовцев, тех, кто находился в концлагерях, тех, чьих родителей репрессировали, беспризорных отбирались пригодные для обучения в соответствующих школах. В начале 1942 г. существовала целая сеть таких разведшкол, в которые немцы набирали детей в возрасте от 8 до 14 лет. В качестве оплаты за сотрудничество они получали деньги, продукты питания.

Существование обширной сети разведшкол на оккупированных территориях было обусловлено массовым обнищанием населения, вследствие которого постоянно пополнялись ряды беспризорных детей. Для многих подростков это был единственный шанс попасть за линию фронта, «к своим». Вместе с тем, надо отметить, что разведывательную работу немцы проводили достаточно активно, и это создавало для советских войск определённые проблемы [2, с. 167].

После победы советских войск на Орловско-Курской дуге репрессивная политика гитлеровцев достигла апогея жестокости. 10 июля 1943 г. Гиммлер подписал приказ о разорении советских территорий. Военно-политическое руководство Германии требовало от военных и гражданских властей ужесточить тотальные

грабежи, уничтожать населённые пункты, шире применять тактику «выжженной земли». Гражданское население срочно подлежало эвакуации, перемещению в сборные лагеря и отправке в Германию. Очищенные территории планировалось использовать в сельскохозяйственных целях, а «детские лагеря расположить на границе этих территорий, так чтобы дети могли быть использованы в качестве рабочей силы» [23, с. 499]. Речь шла в первую очередь о детях, родственники которых были убиты во время карательных операций или работали в Германии. При отступлении гитлеровцы, по воспоминаниям населения, принудительно забирали детей от 8 до 15 лет и направляли в специальные лагеря. Это были детские лагеря для забора крови и по отправке в Германию.

Выводы

Основным средством реализации генерального плана «Ост» стала политика геноцида, т. е. систематическое уничтожение целых групп населения. Для реализации этого плана нацисты использовали захват заложников, рейды, погромы, карательные операции, лагеря смерти. Расправы над мирным населением получили характер заранее продуманной государственной политики, которая распространялась на всех, независимо от пола и возраста. Особенно тяжело переживали оккупацию дети и подростки. Они уничтожались в ходе карательных операций, использовались в качестве доноров крови для немецких солдат. Нацистская политика геноцида подрастающего поколения, которую осудили на Нюрнбергском процессе, была направлена на то, чтобы привлечь подростков и молодёжь на свою сторону, использовать их в будущем в качестве дешёвой рабочей силы в Германии.

По мнению немецкого историка Н. Мюллера, в рамках плана по завоеванию жизненного пространства на Востоке проводился «бездумный эксперимент», целью которого была селекция местного населения, его переселение, изгнание или вообще истребление в соответствии с расовыми и политическими требованиями нацистского руководства рейха [18, с. 49]. Наиболее пригодных в расовых отношениях планировалось ассимилировать, в первую очередь детей и молодёжь, поскольку можно было воздействовать на несформированные личности (небольшой жизненный опыт, отсутствие поддержки родителей, склонность к познанию нового). Ситуация на фронтах позволяла оккупантам не задумываться о настроениях местного населения и в качестве основного средства подчинения использовать террор. Преступления нацизма на Северо-Западе России оказались настолько масштабными, что они стали предметом расследования на трёх открытых судебных процессах над гитлеровскими палачами, проходивших в 1945–1947 гг. последовательно в Ленинграде, Великих Луках и Новгороде.

Список литературы

1. Архипов, А. И. Государственное снабжение как фактор решения продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны: уроки истории / А. И. Архипов, А. А. Казанников // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 3. – С. 27–41.
2. Белик, И. К. «При попытке ребят отказаться немецкие офицеры угрожали расстрелом» / И. К. Белик, Е. В. Шумилова // Исторический архив. – 2005. – № 2. – С. 165–174.
3. Виноградов, С. В. Строительство новых железнодорожных коммуникаций в период Великой Отечественной войны (на примере строительства железной дороги (Астрахань – Кизляр в 1941–1942 гг.) / С. В. Виноградов, В. Б. Убушаев, Е. А. Иванова // Вопросы истории. – 2019. – № 12–3. – С. 124–130. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Staty64.
4. Гаврилова, О. А. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. / О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков // Новейшая история России. – 2016. – № 2 (16). – С. 44–67. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.203.
5. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). – Ф. 123. – Оп. 3. – Д. 24.
6. ГАНИНО. – Ф. 180. – Оп. 3. – Д. 86.
7. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. Р-1793. – Оп. 1. – Д. 31.
8. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-1691. – Оп. 8. – Д. 10.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 30. – Д. 241.
10. Иванова, И. А. За блокадным кольцом. (Воспоминания) / И. А. Иванова. – Санкт-Петербург : Вести, 2010. – 640 с.
11. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 544 с.
12. Красноженова, Е. Е. Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941–1945 гг.) / Е. Е. Красноженова, П. Л. Карабущенко, М. В. Полякова // Вопросы истории. – 2019. – № 12-3. – С. 175–181. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Staty71.
13. Красноженова, Е. Е. Особенности решения жилищно-коммунальных проблем в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (16), ч. 2. – С. 101–103.
14. Кринко, Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения / Е. Ф. Кринко // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 25–31.
15. Кулик, С. В. Советское антифашистское Сопротивление и пропаганда на Северо-Западе России в 1942 г. / С. В. Кулик // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 4–2 (87). – С. 40–44.

16. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). – Ф. Р-1249. – Оп. 1. – Д. 169.
17. ЛОГАВ. – Ф. Р-2022. – Оп. 1. – Д. 6а.
18. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер. – Москва : Воениздат, 1974. – 387 с.
19. Непокоренная земля Псковская. 1941–1944: Документы и материалы. – Псков : Псковская правда, 1964. – 480 с.
20. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1958. – Т. 3. Военные преступления и преступления против человечности. – 815 с.
21. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза : документы и материалы / под ред. и с предисл. П. А. Жилина. – Москва : Воениздат, 1987. – 302 с.
22. Пянкевич, В. Л. Власть и рынок в блокадном Ленинграде / В. Л. Пянкевич // Российская история. – 2017. – № 6. – С. 52–66.
23. СС в действии: документы о преступлениях СС / под ред. и с предисловием М. Ю. Рагинского. – Москва : Прогресс, 1969. – 624 с.
24. Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИГД СПб). – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 35.
25. ЦГА ИГД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 8. – Д. 36.
26. ЦГА ИГД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 36.
27. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 7179. – Оп. 53. – Д. 38.

References

1. Arkhipov, A. I., Kazannikov, A. A. Gosudarstvennoe snabzhenie kak faktor resheniya prodovolstvennoy problemy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: uroki istorii [State supply as a factor in solving the food problem during the Great Patriotic War: history lessons]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 27–41.
2. Belik, I. K., Shumilova, E. V. "Pri popytke rebayat otkazat'sya nemeckie oficery ugrozhali rasstrelom" ["When the guys tried to refuse, the German officers threatened to shoot them"]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 2005, no. 2, pp. 165–174.
3. Vinogradov, S. V., Ubushaev, V. B., Ivanova, E. A. Stroitelstvo novykh zheleznodorozhnykh kommunikatsiy v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere stroitel'stva zheleznoj dorogi (Astrakhan – Kizlyar v 1941–1942 gg.)) [The construction of new railroad communications during the Great Patriotic War (using the example of the construction of the Kizlyar-Astrakhan railroad in 1941–1942)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2019, no. 12–3, pp. 124–130. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi64.
4. Gavrilova, O. A., Khodyakov, M. V. Izgotovlenie prodovolstvennykh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg. [The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2016, no. 2 (16), pp. 44–67. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.203.
5. *State Archive of the Modern History of the Novgorod Region (GANINO)*. F. 123, op. 3, d. 24.
6. *GANINO*. F. 180, op. 3, d. 86.
7. *State Archive of the Novgorod Region (GANO)*. F. P-1793, op. 1, d. 31.
8. *State Archive of the Pskov region (GAPO)*. F. P-1691, op. 8, d. 10.
9. *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. P-7021, op. 30, d. 241.
10. Ivanova, I. A. *Za blokadnym koltsom. (Vospominaniya)* [Behind the blockade ring. (Memories)]. Saint Petersburg, Vesti Publ. House, 2010, 640 p.
11. Kovalev, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [The Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944]. Moscow, AST Publ. House, Tranzitkniga Publ. House, 2004, 544 p.
12. Krasnozhenova, E. E., Karabushchenko, P. L., Polyakova, M. V. Voennaya povsednevnost v resheniyakh Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony (1941–1945 gg.) [Military everyday life in decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2019, no. 12–3, pp. 175–181. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi71.
13. Krasnozhenova, E. E. Osobennosti resheniya zhilishchno-kommunalnykh problem v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Nizhnego Povolzhya) [Peculiarities of solving housing-communal problems during Great Patriotic war (by the materials of Lower Volga region)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 2012, no. 2 (16), vol. 2, pp. 101–103.
14. Krinko, E. F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya [Childhood of the war years (1941–1945): problems and prospects of study]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyge State University], 2006, no. 4, pp. 25–31.
15. Kulik, S. V. Sovetskoe antifashistskoe Soprotivlenie i propaganda na Severo-Zapade Rossii v 1942 godu [Soviet anti-fascist resistance and propaganda in the North-West of Russia in 1942]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], 2015, no. 4–2 (87), pp. 40–44.
16. *Leningrad Regional State Archive in Vyborg (LOGAV)*. F. P-1249, op. 1, d. 169.

17. LOGAV. F. P-2022, op. 1, d. 6a.
18. Myuller, N. *Vermakht i okkupatsiya (1941–1944). O roli vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetской territorii* [On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation regime on the Soviet territory]. Moscow, Voenizdat Publ. House, 1974, 387 p.
19. *Nepokorennaya zemlya Pskovskaya. 1941–1944: Dokumenty i materialy* [The unconquered land of Pskov. 1941-1944: Documents and materials]. Pskov, Pskovskaya Pravda Publ. House, 1964, 480 p.
20. *Nyumbergskiy protsess nad glavnymi nemetskimi voennymi prestupnikami: sbornik materialov* [The Nuremberg trial of the main German war criminals: a collection of materials]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury Publ. House, 1958, vol. 3, 815 p.
21. *Prestupnye tseli gitlerovskoy Germanii v voyne protiv Sovetskogo Soyuza: dokumenty i materialy* [The criminal goals of Hitler's Germany in the war against the Soviet Union: documents and materials]. Moscow, Voenizdat Publ. House, 1987, 302 p.
22. Pyankevich, V. L. *Vlast i ryok v blokadnom Leningrade* [Power and market in besieged Leningrad]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2017, no. 6, pp. 52–66.
23. *SS v deystvii: dokumenty o prestupleniyakh SS* [SS in action: documents on SS crimes]. Moscow, Progress Publ. House, 1969, 624 p.
24. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CGA IPD SPb)*. F. P-116 L, op. 2, d. 35.
25. *CGA IPD SPb*. F. P-116 L, op. 8, d. 36.
26. *CGA IPD SPb*. F. P-116 L, op. 2, d. 36.
27. *Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb)*. F. 7179, op. 53, d. 38.